

Оба шли вперед по узкой тропе, по обеим сторонам которой выстроились ряды обугленных тел. К облегчению У Се, среди них снова обнаружились те самые каменные истуканы. После недавнего сожжения их поверхности тоже покрылись слоем липкой копоты. Землю в пещере покрывал тонкий слой черного порошка, что вызывало у У Се сильное удивление. Идти по нему было не слишком надежно: стоило подумать о том, что эта черная пыль осталась от сожжения мертвецов, как на душе становилось беспокойно.

Пройдя немного, пламя факела уменьшилось, и круг света постепенно сузился. Мужчины снова ускорили шаг и побежали вперед. Вскоре У Се стало странно: если смотреть сверху со скалы, расстояние здесь составляло всего чуть больше пятисот метров, и даже при самом медленном темпе они наверняка добрались бы минут за десять. Однако они бежали уже около четверти часа, а обещанной открытой площадки все не было видно. Неужели в крошечной тьме они свернули не на тот перекресток?

У Се как раз хотел бежать дальше, но Чжан Цуфэй схватил его за руку. У Се вопросительно посмотрел на него, однако тот лишь покачал головой. Позади и впереди виднелись лишь груды обугленных тел, а чуть дальше расстилалась сплошная пелена тумана.

— Здесь видимость ограничена темнотой, с какой стороны ни посмотри — все выглядит одинаково, — произнес Чжан Цуфэй. — Но можно с уверенностью сказать, что мы, пожалуй, отклонились от прежнего пути.

— Быть может, мы вовсе не убежали далеко, а просто кружим на месте, — чуть выровняв сбившееся дыхание, сказал У Се.

У Се долго бегал, и голова у него шла кругом, но цели он так и не увидел, отчего в душе уже закрались подозрения. Услышав слова Чжан Цуфэй, он принялся внимательно осматривать окрестности.

У Се поднял факел повыше и заметил на земле растоптанную обрубленную конечность — кажется, ту самую, что попала ему на глаза, когда он спускался со скалы. Внутри у него неприятно ёкнуло. Оглянувшись и посветив назад, он убедился, что недалеко и впрямь лежали До Ци и Мигань.

Чжан Цуфэй огляделся по сторонам и слегка изумленно произнес:

— Маленький Третий Господин и впрямь оказался прав, мы и правда вернулись туда, откуда только что спустились.

У Се решил больше не идти вперед. Он вернулся к До Ци с Миганем и проверил их состояние: дыхание было ровным, никаких иных тревожных симптомов не наблюдалось.

Чжан Цуфэй подошел, сел рядом с У Се и спросил:

— Разбудим их, чтобы шли вместе?

— Мы с тобой все равно уже походили кругами и вернулись обратно, — пожав плечами, легко ответил У Се. — Разбудим их: если вдруг снова случится что-то непредвиденное, будет кому подстраховать. А если совсем прижмет — снова вырубим.

— Посмотри, сколько здесь мертвецов вокруг — целое скопление тысячи тел, — между делом заговорил Чжан Цуфэй. — Кто в здравом уме поверит, что здесь обошлось без нечисти? Но почему-то это место так сильно действует именно на тех, кто обладает способностью к материализации. Как думаешь, не нарочно ли кто-то устроил такую расстановку, чтобы отвлечь посторонних с дурными намерениями?

У Се подумал над словами Чжан Цуфэй, но посчитал их бессмысленными и возразил:

— Прежние тела были нужны, чтобы сбить живых с толку. Неужели после сожжения они начали влиять на людей со способностью к материализации? Этого не может быть.

— Да плевать, есть тут смысл или нет, наш факел тоже долго не протянет, — поторопил Чжан Цуфэй. — Когда он погаснет, тут хоть кричи в небеса, хоть зови землю — никто не откликнется. Нужно срочно принимать решение.

У Се замер, молча кивнул, а затем привел в чувство До Ци и Миганя. Он мимоходом перехватил у Миганя автомат Калашникова и резко выпустил очередь в сторону Чжан Цуфэй.

Тот даже не колеблясь бросился назад, быстро увеличивая дистанцию между ними.

До Ци с изумлением огляделся по сторонам и поспешно спросил:

— Что здесь происходит?

У Се посмотрел на фигуру, скрывающуюся в темноте, и произнес:

— И впрямь ребенок из семьи профессиональных пропащников: исчезает, даже не попрощавшись. А этот тип, судя по всему, из Семьи Ван?

Скрывшийся во тьме человек не собирался уходить. Он просто стоял неподвижно, подняв руки над головой, и произнес:

— Ну это вы зря, я ведь тоже по фамилии Чжан.

У Се с усмешкой посмотрел на него. Хотя круг света от факела становился все меньше, стоило ему захотеть, как он мог отчетливо разглядеть все в темноте. Это и была та самая способность к восприятию, о которой его предупреждал Чжан Цуфэй. У Се чувствовал, что по мере приближения к Бронзовому Дереву его восприятие тоже неуклонно усиливается.

У Се намеренно съязвил:

— Если ты тоже по фамилии Чжан, то, наверное, из болтливых Чжанов? Очень приятно.

— Далеко не все члены Семьи Чжан отличаются неразговорчивостью и неумением выражать мысли, — продолжил тот мужчина.

— И какие же у тебя есть доказательства твоей личности? — нарочно поинтересовался У Се. Он продолжал усиливать восприятие окрестностей, пытаясь понять, сколько еще людей противника притаилось неподалеку.

Мужчина заискивающе поднял ладонь и помахал ею перед У Се:

— Смотри, у меня тоже есть пальцы поисковиков холмов. Я из Семьи Чжан. Ты, возможно, не слышал моего имени, но мы — ветвь Семьи Чжан, развивавшаяся за морем.

У Се ничуть не интересовало, к какой именно ветви принадлежал этот сородич, и даже знать, кто он такой, он не горел желанием. Он тут же спросил:

— Нельзя недооценивать умственные способности древних. Так что же нам, сородичам из семьи номер один в деле грабежа могил, делать в нынешней ситуации, чтобы выбраться?

До Ци и Миганя, глядя на спину У Се, чувствовали, что ход мыслей этих двоих совершенно оторван от реальности и находится на другом уровне. Им нельзя было ни слепо доверять, ни полностью отвергать их слова. Как ни крути, здесь явно крылся какой-то подвох, и добраться до ранее оговоренной открытой площадки окажется делом явно не простым. Кому же теперь верить?

Мужчина вздохнул и произнес:

— Не хвастовства ради скажу, что для члена Семьи Чжан эта жалкая расстановка — сущие пустяки. Если все пойдет как надо, с закрытыми глазами справился бы. Вот только на любое дело требуется время, а факел, боюсь, до тех пор не дотянет. К тому же, полагаю, сейчас есть кое-что поважнее, о чем нужно договориться в первую очередь.

У Се довел свое восприятие до предела и теперь четко видел во тьме облик собеседника: два длинных пальца на руке действительно принадлежали к технике поисковиков холмов. Его внешность и впрямь отдаленно напоминала Мэньюпиня, но по какой-то причине шестое чувство отчетливо подсказывало: стоящий перед ним человек — враг.

На самом деле самым простым способом разрушить построение было просто пройти по тем телам, что валялись по краям. Когда они только пришли сюда, ему уже приходила в голову эта мысль, вот только вслух ее никто не озвучил.

В течение нескольких минут тянулось противостояние. Пламя на факеле пару раз дернулось и стало совсем слабым. Благодаря восприятию У Се полностью запечатлел рельеф местности в памяти: поблизости не ощущалось дыхания живых людей, но в таком месте, где отчаянно

разило мертвечиной, спрятать собственный запах было проще простого.

Мигань посмотрел на догорающий факел и внезапно бросился на У Се. Он выхватил факел у того из рук и завопил:

— Раз уж тут все равно все горело, устроим им огненное шоу на восемнадцать ли! Выжжем все дотла, и будет чисто!

У Се испугался до крайности, сообразив, что останавливать уже поздно, и выругался:

— Да ты же сам себя хоронишь! Даже если не сгоришь, задохнешься в дыму!

Мигань тоже перепугался. Он уже хотел было возразить, но факел в его руке вдруг вспыхнул пару раз и окончательно погас.

Стоило факелу погаснуть, как и без того мрачное пространство погрузилось в кромешную тьму. У Се от страха прошибло холодным потом, его восприятие взлетело до небес, и он почувствовал, как мужчина, державший дистанцию, внезапно двинулся с места.

До Ци ощутил холодный ветерок на шее, взвизгнул и бросился бежать. Сделав всего пару шагов, он услышал звонкий лязг — звук сталкивающегося холодного оружия — и глухой удар.

Мигань сообразил, что из-за его опрометчивости сложилась такая ситуация, и поспешно шарил по рюкзаку, материализуя мощный ручной фонарь, после чего направил свет туда, где находился До Ци.

Пользуясь ярким светом фонаря, У Се заметил, что горячая насадка на факеле сгорела еще не до конца — пламя погасло совершенно неожиданно. В пещере не было ветра. В этот момент он вспомнил про ту открытую площадку: возможно, где-то над обвалом парили невидимые им хрустальные гробы. У Се охлонуло внезапное озарение.

Он наклонился, поднял факел, заново зажег его и поднял выше. До Ци сидел на обугленном трупе, а вокруг валялся черный порошок.

У Се подошел и помог ему подняться. Лицо До Ци было бледным, словно недавняя схватка потребовала от него немалых сил. У Се хлопнул его по плечу и спросил:

— Цел? Удалось разглядеть, кто это был?

Увидев, что это У Се, До Ци с облегчением выдохнул и произнес:

— Слишком темно, да и отбивался я исключительно на опыте многолетних скитаний по миру. Куда делся Чжан Цуфэй?

У Се с досадой покачал головой:

— Понятия не имею, куда он делся.

Мигань с виноватым видом подошел ближе и пробормотал:

— Простите за то, что сейчас сорвался.

У Се успокаивающе произнес:

— Давайте все успокоимся и не будем пугать самих себя. Помимо нас, здесь точно есть кто-то еще или какая-то нечисть. Ситуация становится все сложнее.

Глядя на выражение лица У Се и вспоминая, как внезапно потух факел, Мигань решил, что слова парня не лишены смысла. Факел — не свеча, да и горючую насадку он материализовал сам, так что потушить ее куда сложнее, чем обычную. Раз она вот так погасла, значит, точно что-то случилось. В таком месте излишняя осторожность никогда не помешает.

Подумав об этом, Мигань бросил многозначительный взгляд на До Ци, намекая, что ради безопасности все же стоит направиться к открытой площадке. До Ци кивнул, и оба одновременно материализовали по короткоствольному пистолету. Прикрывая У Се спереди и сзади, они двинулись к тому месту, где только что стоял мужчина.

Меньше чем в футе позади того места стояла каменная статуя. Ее голова полностью сгнила, остался лишь обгоревший череп. Эта штука определенно не могла ожить и сдвинуться с места, так что единственным укрытием оставалась спина каменного изваяния.

Мигань и До Ци осторожно приблизились. У Се сначала проверил все факелом, а затем опасаясь, что оттуда выскочит какая-нибудь неведомая тварь, бросил туда косой взгляд. Мигань резко выпрыгнул из-за укрытия и заорал:

— Стоять!

Человек за каменным изваянием явно не ожидал от троицы таких действий, и какое-то время все четверо растерянно смотрели друг на друга.

У Се перевел дух: к счастью, их рассудок был в порядке и они не открыли огонь на поражение. В подобной обстановке любой неопытный человек испугался бы и открыл пальбу. Вспоминая былые деньки — будь то подводная гробница или дождевой лес Царицы Запада, — Мэньюпинь всегда вот так внезапно исчезал, а потом появлялся в критический момент, словно сошедшее с небес божество. Подобная способность реагировать на опасность действительно вырабатывается годами тренировок и абсолютным взаимопониманием.

У Се бросил на Чжан Цуфэя косой взгляд и спросил:

— Что тут только что произошло?

До Ци и Мигань одновременно облегченно вздохнули. Они повернулись и уже собирались убрать оружие, как вдруг раздался свистящий звук, и факел в руке У Се снова погас.

У Се опешил. Уровень адреналина в крови резко подскочил, заставив клетки отчаянно вырабатывать гормоны, но восприятие больше ничего не улавливало. В чем дело? Огонь погас слишком внезапно! В этот самый момент во тьме раздался испуганный крик Чжан Цуфэй:

— У Се!

Затем послышалась возня и суматоха. У Се вдруг почувствовал холодок в спине, и на него со свистом метнулась молниеносная волна воздуха. Мысленно выругавшись, он успел разглядеть во тьме силуэт и резко пригнулся. Сильный удар пронесся прямо над его макушкой, и одновременно с этим у У Се подогнулись ноги, и он пластом рухнул на землю.

Чжан Цуфэй с молниеносной реакцией бросился вперед и прижал У Се к себе. Они оба завалились на бок, врезавшись в стоявшие рядом каменные статуи. С грохотом покотившись, они с ног до головы испачкались в липкой черной массе. Чжан Цуфэй было не до брезгливости: Мигань поспешно включил мощный фонарь, и вместе с До Ци они в мгновение ока зажгли факел.

При ярком свете У Се и Чжан Цуфэй лежали на земле с мертвенно-бледными лицами. У Се потерял сознание, а Чжан Цуфэй выглядел относительно нормально, разве что сильно перепачкался.

До Ци, все еще испытывая страх, сказал Миганю:

— Свети быстрее! Что это за хрень была? Откуда такая скорость?!

Мигань повел факелом в сторону и, помимо опрокинутых У Се и Чжан Цуфэем каменных статуй, обнаружил на земле цепочку четких черных следов. На душе у него отлегло, но в сердце тут же вскипела злоба. Тот стремительный черный силуэт явно принадлежал мужчине, который с ними заигрывал. Выходит, этот человек отлично знал их командную работу. Однако вокруг стояло множество каменных статуй и трупов, и за то короткое время, пока они зажигали факел в кромешной тьме, как бы быстро ни бежал противник, он никак не мог миновать все препятствия, если только не знал эту зону как свои пять пальцев.

Мигань тут же подумал о другом: погоди-ка, неужели они и впрямь столкнулись с живым мертвецом?

Факел гас уже дважды, и было очевидно, что некто делал это нарочно. Мигань опустил факел ниже плеча, чтобы его снова не задули, после чего Чжан Цуфэй взвалил У Се на спину, а До Ци поднял второй факел, и вдвоем они взяли спутников в кольцо.

— Куда ты девался? — спросил До Ци, прокладывая путь впереди с факелом в руке.

— На этой скале и впрямь есть хрустальный гроб, но внутри пусто, — ответил Чжан Цуфэй. — Я не посмел вам говорить и полез наверх сам. А когда повернулся и пошел обратно, смотрю — вы тут с пустотой разговариваете.

— Да ладно? Мы же нос к носу столкнулись с этим цзунцзы, а ты даже его тени не заметил? С каких это пор цзунцзы стали такими шустрыми? — удивился Мигань.

Чжан Цуфэй бросил на него презрительный взгляд:

— Посмотри, сколько здесь мертвецов, да еще такой древности. Может, на этот раз нам попался летающий цзунцзы.

До Ци зыркнул на Чжан Цуфэя и беспомощно произнес:

— Я тоже слышал, что цзунцзы делятся по классам. Неужели нам так не повезло, что мы повстречали настоящую элиту среди мертвецов, мастера цигуна?

Чжан Цуфэй глянул на У Се у себя за спиной и промолвил:

— Маленький Третий Господин, в мире грабителей могил всем известно правило: вскроешь гроб — поднимешь мертвеца. На этот раз мы влезли в чужое подземелье тайком, без должной подготовки. Вдруг нам попалась какая-нибудь августейшая особа из рода цзунцзы!

До Ци не хотел препираться с ним. Он подошел к краю обугленного трупа, ткнул пистолетом в останки и сказал:

— Эти тела уже один раз побывали в крематории, да и большинство из них — сплошные обрубки. Эта тварина точно не сможет стать зомби, головой ручаюсь.

— Лучше давайте подумаем о маршруте. Идем мы на ту открытую площадку или нет? — нетерпеливо бросил Мигань.

Чжан Цуфэй в свете факела До Ци заглянул вдаль. То место, куда не доставал свет, было поглощено непроглядной темнотой, и дорога впереди обещала быть извилистой и полной неожиданностей.

— Не спеши, Мигань! С нашими способностями к материализации и с Чжан Цуфэй мы не испугаемся даже летающего цзунцзы!

Мигань свирепо уставился на До Ци и принялся яростно мотать головой:

— Мужик, ослепленный любовью, готов пойти за своим избранником хоть на смерть, даже если тот прикажет! Но если ты и я выложим против него эти две пушки, тут не то что летающий цзунцзы, тут и черный пушистый цзунцзы живьем нас сожрет, и мокрого места не останется.

До Ци никогда не сталкивался с настоящими цзунцзы и не знал, какую пользу принесут их пистолеты. Но какой бы сильной ни была нечисть, она все равно состояла из плоти и крови, и он отказывался верить, что пара упаковок пластита не разнесет ее в клочья.

При этой мысли лицо До Ци вновь разгладилось, пропало недавнее напряжение. Поразмыслив, он понял, что бесцельно бродить тоже не выход. Если уж совсем прижмет — пойдут прямо по трупам: раз уж это место однажды уже разрушили, то разрушить его окончательно не составит труда, и муки совести его не потревожат. В такие моменты главным было спасти собственную шкуру, а все остальное — суета.

У Се чувствовал, будто все вокруг идет кругом. Когда он наконец пришел в себя, то обнаружил, что стоит среди бескрайних снежных гор. В этой звенящей тишине снежной пустыни, чистой словно рай, царило умиротворение, от которого захватывало дух. Ему уже приходилось мечтать о подобном безмолвии на вершине Чанбайшаня, но это место явно было не им.

Все в Циньлине казалось далеким. Здесь не было ни интриг, ни коварства, ни хитрых замыслов; бескрайние снежные горы очищали от озлобленности и омывали саму душу.

У Се ничуть не испугался и даже не чувствовал холода. Мэньюпинь сидел в снегу рядом с ним и возился со старым радиоприемником. У Се не слышал звуков — не было даже обычного шипения при настройке волн. Мэньюпинь явно не был из тех, кто привык разговаривать сам с собой, поэтому У Се просто молча наблюдал за ним.

Старый радиоприемник явно не передавал ничего хорошего: на лице Мэньюпиня У Се впервые заметил едва уловимое выражение — презрительную усмешку над врагами. У Се не мог объяснить, почему возникло такое ощущение, но он отчетливо уловил эту крошечную перемену в его чертах, после чего лицо парня вновь стало прежним — бесстрастным.

На этот раз Мэньюпинь был одет не в свою фирменную синюю толстовку с капюшоном, а в синий тибетский халат. Он всматривался вдаль, казалось, видя что-то за пределами далеко. У Се проследил за его взглядом и заметил вдали крошечный слабый огонек.

В сумрачном небе повалил густой снег. Снег шел все сильнее, и на другом краю неба слабый свет отражался от хлопьев, создавая между снежными вершинами темно-зеленоватый ореол.

Мэньюпинь продолжал крутить колесико настройки приемника. Из старого ящичка, должно быть, лилась отрешенная музыка; он слушал ее, похлопывая себя по рюкзаку, а в глазах его сверкала непреклонная решимость. Посреди этой снежной бури он выглядел словно божество, но при этом был абсолютно одинок.

Взгляд У Се последовал за движениями Мэньюпиня и замер на рюкзаке: молния на старой сумке сломалась, обнажая уголок какого-то предмета. Это оказался деревянный короб для праха.

У Се вздрогнул. От Мэньюпиня исходило ощущение человека, способного составить компанию, но не разделяющего ничьей радости и боли. Человек в этом коробе, судя по интуиции У Се, наверняка был многолетним спутником Мэньюпиня. И вовсе не другом.

Он протянул руку, желая притянуть его к себе, желая сказать: я здесь, желая утешить этого вечно сильного, подобного божеству мужчину, но рука насквозь прошла сквозь его плечо.

Опустив онемевшую руку, У Се мог лишь смотреть на Мэньюпиня. Смотреть, как этот человек идет по гребню снежной вершины. Миллионы ли снежных гор расстилались у его ног подобно гигантским питонам, сквозь которые он шел легко и безмятежно — тихо, мирно, безмятежно.

Снег немного стих. Величественный горный хребет вдали белел нетронутой белизной, сливаясь с сероватым облачным небом. У Се смотрел, как Мэньюпинь уходит все дальше и дальше, и когда он попытался броситься за ним, тот уже растворился в белизне, словно его никогда и не существовало.

Человек, который больше не посмеет и мечтать даже о простом попутчике.

Грудь У Се болезненно сжало, сердце разорвало от боли, и он молча поклялся про себя: «На этот раз я не позволю тебе остаться одному. Радостью я с тобой поделюсь, а боль разделю пополам».

<http://bllate.org/book/22030/2290353>